

Известия - 1994 - 6 окт - 47

Франсуаза САГАН: Я ОБОЖАЮ ДЕЛАТЬ ГЛУПОСТИ

Для знаменитой французской писательницы жизнь — это прежде всего игра

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия»

Во Франсуазе Саган живет неизбывная страсть к риску и порой к безрассудным — с общепринятой точки зрения — поступкам. Лихо ездил на спортивных автомобилях, пила виски, принимала наркотики, играла в казино, меняла любовников и с поразительной легкостью сорила деньгами. Или помогала оказавшимся в нужде своим собратям по перу, как, например, известному французскому драматургу Артуру Адамову.

В 19 лет, разбогатев в одиночестве, она пришла к отцу и спросила, что же ей делать с 5 миллионами франков, полученных от издателя за «Здравствуй, грусть!». Тот ответил: «Немедленно их истратить, ибо деньги — опасная вещь».

Родительский завет Франсуаза твердо усвоила на всю жизнь: «Не последуй ему, я не знаю, что бы со мной случилось. Если бы я стала что-то приобретать или вкладывать свои капиталы, то наверняка стала бы чудовищно буржуазной. Нельзя быть богатым и при этом не превратиться в черствого человека. Все очень обеспеченные люди, которых я знала, в тот или иной момент отказывали в помощи близким... Я же все спустила или раздала. С тех пор деньги — хороший слуга, но плохой хозяин — всегда просачивались у меня между пальцами».

Прочитав Жан-Поля Сартра в 14 лет, Франсуаза неожиданно утратила веру в Бога и, как ни странно, во всякие чудеса, что не мешало ей часто ходить к ясновидящим, особенно когда влюблялась. Именно в 17 лет парижская гадалка предсказала ей шумный литературный успех, после чего она и отдала рукопись «Здравствуй, грусть!» в издательство.

— Писатель — это несчастное животное, которое в момент сочинительства заперто наедине с самим собой в клетке... Это порой бывает униительно. Но случаются и божественные моменты. Тогда я ощущаю себя королевой слов — чувство необычайное, словно находишься в раю.

Кажется, подобное прекрасное чувство испытывала Франсуаза Саган в момент написания своего 20-го романа — «Мимолетная тоска», который только что вышел в свет и занял первую строчку в списке бестселлеров. Этой книгой самая популярная французская писательница отметила 40-летний юбилей публикации первой книги «Здравствуй, грусть!». Изданная 5-миллионным тиражом на 25 языках, она стала одним из самых популярных произведений современной мировой литературы.

Это история 40-летнего мужчины, который узнает о том, что через полгода умрет от рака. «Мимолетная тоска» — роман о самом страшном в мире одиночестве, в котором оказывается приговоренный к смерти человек. И самое ужасное, по мнению Саган, заключается не в самой кончине, которая для каждого из нас неизбежна, а в сознании того, что тебе отмерен определенный срок и что дата ухода в мир иной извест-

на. Ужасно умирать, когда тебя изнутри безжалостно пожирает неведомый зверь, лишая всех радостей бытия.

Идея этого романа возникла у писательницы несколько лет назад не за письменным, а на операционном столе, когда у нее самой подозревала рак поджелудочной железы: «Я была уверена, что наступил мой последний час и что я умру. Но снова пронесло».

Саган находилась на смертном одре пять или шесть раз. Первый раз должна была умереть в 22 года в зените обрushingейшей на нее славы, когда на сумасшедшей скорости перевернулся ее «Мерседес» с откидным верхом. Сами врачи не могли понять, каким чудом им удалось вернуть к жизни Франсуазу, у которой были переломаны чуть ли не все кости.

Много лет спустя вновь ее воскресили после ставшей следствием плеврита трехнедельной комы в Боготе, куда ее пригласил с собой в поездку президент Франсуа Миттеран. «Я смотрела смерти в глаза, которая предстала предо мной в виде черной дыры. После этого она утратила для меня всякий интерес... Я вас уверяю, что там, по ту сторону бытия, равным счетом ничего нет. И слава Богу! Мне было бы неприятно, если бы моя неприкаянная душа в одиночестве витала в каком-то пространстве».

Человеку щедрому и беззаботному, склонному к авантюрам, Саган всегда везло в жизни — словно у нее, неверующей, был ангел-хранитель. В юные годы после первого романа пришла мировая известность. Франсуазе каждый раз чудесным образом удавалось выигрывать схватку у смерти. Наконец, ей по-крупному везло в игре. Впервые она перешагнула порог казино, достигнув совершеннолетия, — в 21 год.

Свой последний дом в Нормандии, где в прошлом жил известный драматург Саша Гитри и бывала Сара Бернар, который она на протяжении нескольких лет снимала, писательница купила несколько лет назад, после того, как всю ночь провела в казино, выиграла 8 миллионов и в 8 утра вернулась домой.

Правда, был 5-летний период в ее жизни, когда Саган по каким-то неведомым причинам избегала игорных заведений, где она, по ее

словам, чувствует себя в своей стихии: «Это единственное место, где деньги, как и должно быть в жизни, стремительно переходят из рук в руки».

— Я люблю делать глупости — пить, гулять, быстро ездить. Обожаю бездельничать. Оставаться в постели и смотреть на облака, как говорил Бодлер. Читать детективы или встречаться с друзьями. Но именно в лени и в сладком ничегонеделании рождаются новые произведения.

Не знаю, относит ли Саган употребление наркотиков к числу совершаемых ею глупостей. В 1990 году ее даже приговорили — правда, условно — к 6 месяцам тюремного заключения. Ее пытались заставить лечиться. И сейчас писательница два раза в неделю должна являться для контроля в специальный медико-юридический институт, но этого, разумеется, не делает, ибо считает покушением на свою свободу.

— Если в Японии есть «клубы Франсуазы Саган», где меня встречают цветами и оркестром, — рассказывает писательница, — то во Франции ко мне относятся, как к маленькой преступнице. Я никогда не отрицала, что принимала наркотики. Но я взрослый человек и хочу иметь право разгуливать себя, если мне того хочется.

Однако главным в ее жизни все-таки оставались не поиски острых ощущений, а литература. Все остальное для нее эфемерно. Правда, она утверждает, что толчком к написанию новой книги для нее обычно оказывается нехватка денег, необходимость платить налоги.

— Действия в моих книгах начинаются в момент, когда в жизни героев происходит что-то драматическое, какой-то надлом — возникают проблемы любви, денег или уходит молодость. В сущности, персонажи моих романов — маргиналы, которые сами того не знают. По сути своей люди — равнодушные эгоисты, и не надо питать по отношению к ним никаких иллюзий. Но нельзя их считать и безнадежно плохими.

Когда Саган вышла из парижской больницы, не умерев в очередной раз, она была поражена и растрогана тем, что незнакомые люди на улице обнимали и поздравляли ее. Таксисты предлагали бесплатно доставить ее в любой конец города, а владельцы быстро непременно хотели угостить стаканчиком вина.

Однажды нелицеприятный критик написал о Саган, что ее книги представляют собой светский коктейль цинизма, эгоизма, лиризма с большой долей «пофигизма». Да и сама писательница весьма трезво оценивает свой творческий потенциал: «Пруст — гений, а я — талант... Большой, чем принято думать, больший, чем у девяти десятых пишущих людей. Я пишу инстинктивно, как живу или дышу. Не стремлюсь к какой-то литературной новизне или смелости. Мне нравится работать по ночам, с 12 до 6 утра, когда никто не мешает».

И все-таки она продолжает верить в то, что и ее озарит луч гениальности и что ее следующая книга наконец-то окажется шедевром. Но чтобы превратиться в гения, надо было посвятить литературе всю свою жизнь. А для Саган

важно не только писать, но и жить.

Мой любимый писатель Пруст, говорит она, перестал вести нормальный образ жизни из-за астмы и только писал. «У меня же нет астмы, — смеется Саган, — и это здорово мне мешает. Но я буду сочинять до того самого дня, пока не создам чего-то бессмертного». Не считая Вольтера, Руссо, Золя и Солженицына, писатели, полагает Саган, редко играли какую-то общественную роль. Они и не должны этого делать. Заблуждаются те из них, которые считают, что могут оказать влияние на ход событий. Скажем, защитить человечество от двух опасностей — телевидения и постепенного разрушения природы.

Поэтому она не исключает конца света и превращения нашей планеты в сгусток серого пепла, который будет какое-то время бессмысленно вращаться во Вселенной до тех пор, пока на нем снова не зародится жизнь со следами старой цивилизации.

Она охотно вспоминает о своей дружбе с Жан-Полем Сартром, с которым она родилась в один день — 21 июня, только на 30 лет позже. С Сартром они были друзьями и сообщниками. Франсуаза в одном из интервью со смехом рассказывала о том, как однажды они столкнулись с Сартром нос к носу... в некоем «доме свиданий». Каждый пришел туда со своим спутником. Они часто вместе обедали в ресторанах. Поскольку к концу жизни писатель почти ослеп, Франсуаза резала для него на тарелке мясо.

Обсуждали вечные темы — жизнь, смерть и любовь. Сартр охотно рассказывал о своих любовниках — многие из них были неважными актрисами, которым ему, однако, в ущерб постановкам приходилось давать главные роли в его пьесах.

Многолетняя симпатия связывает Франсуазу Саган с Франсуа Миттераном, который часто бывает у нее в гостях. Они беседуют только о литературе, которую президент хорошо знает, и никогда о политике. Писательница угощает его каким-нибудь нехитрым домашним блюдом, какое глава государства никогда не попробует на официальных обедах или приемах, типа приготовленного в горшке жаркого с овощами.

Саган несколько раз была замужем и брак считает скучным делом. Однажды она развелась с одним из своих мужей, но несколько дней спустя они вновь решили жить вместе. Залогом благополучной совместной жизни Саган считает спасительную во многих случаях ложь. Она помогает сглаживать острые углы, ибо говорить своему спутнику всю правду — все равно, что наносить ему ножевые раны. Поэтому она предпочитает компанию милых лжецов.

В Саган — мне довелось побывать в гостях в ее парижской квартире — поражает естественность, непринужденность, симпатия к собеседнику, даже случайному и не всегда интересному. Она избегает громких фраз, красивых выражений, не облакает свои ответы в афористические формулы.

— У меня была жизнь каскадера, — не без гордости подводит она ее предварительные итоги. — Правда, я жалею о том, что она не оказалась более размеренной, гармоничной и, быть может, поэтичной. Иногда в своих мечтах я вижу себя лежащей на пляже. И ничего не делающей. Словом, захожусь в раю для ленивых, где людям не надо трудиться... Что же касается посмертной славы, места в литературном пантеоне, то мне на это равным счетом наплевать.

ПАРИЖ.